B158 593

Свящ. Д. Ромашковъ.

B158 593

ВОЙНА И МИРЪ.

540/6

ХАРЬКОВЪ.
Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, № 2.
1915.

Свящ. Д. Ромашковъ.

B158 593

ВОЙНА И МИРЪ.

540 б

ХАРЬКОВЪ.
Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, № 2.
1915.

Отдѣльные оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
715647

Война и миръ.

I.

Великая война, происходящая въ настоящее время, охватила собою какъ бы пожаромъ всю Европу и готова перебросится—и перебросилась уже—въ другія части свѣта. Европейская война можетъ обратиться со временемъ въ міровую войну. Не дай Богъ, конечно, этого! Отъ искры, брошенной злодѣйскою рукою Германскаго Императора Вильгельма, запылала и пылаетъ теперь, какъ мы видимъ, всеобщимъ пожаромъ войны вся Европа. Какъ бы и что бы ни говорили про Вильгельма въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ онъ является, съ религіозной точки зрѣнія (а съ этой именно точки зрѣнія мы и хотимъ освѣтить вопросъ о войнѣ и мирѣ въ настоящей статьѣ своей), орудіемъ Промысла Божія для народовъ Европы и всего міра.

Несомнѣнно, всякая война есть послѣдовательное зло въ этомъ земномъ мірѣ человѣческомъ, пока онъ не очищенъ еще совсѣмъ отъ господствующихъ въ немъ повсюду зла и грѣха, пока добро и святость не вошли въ него, какъ въ губку вода, и не пропитали его окончательно и всецѣло своимъ составомъ. „Услышите—такъ говорилъ Христосъ Спаситель Своимъ ученикамъ незадолго предъ Своими страданіями—о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть... Возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ..., будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое“ (Матѳ. XXIV, 6—7; 9—10). Вотъ роковое и неизбѣжное въ мірѣ человѣческомъ явленіе войны со всѣми ея ужасами и тѣми или иными тяжелыми послѣд-

ствіями, какое приходится теперь наблюдать всѣмъ людямъ на свѣтѣ! Оно, это явленіе, всеобще роду человѣческому и распростирается повсюду. Оно замѣчается какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ. Оно было отъ начала міра и пребудетъ, по слову Спасителя, до конца его: ибо, по слову Его же, „Сынъ Человѣческій, пришедъ, обрящетъ-ли вѣру на земли“ (Лук. XVIII, 8)? И до тѣхъ поръ, пока вѣра въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, будетъ находиться въ оскудѣніи у людей, пока будутъ господствовать на землѣ невѣріе и беззаконіе, какъ причины охлажденія любви въ людяхъ и возрастаніе въ нихъ ненависти (Матѳ. XXIV, 12), до тѣхъ поръ и война, какъ неизбѣжнбе и всеобщее зло въ мірѣ, будетъ продолжаться на землѣ, какъ среди отдѣльныхъ лицъ, такъ и среди цѣлыхъ государствъ и народовъ.

Но если всякая война, и тѣмъ болѣе міровая, какъ мы сказали, является теперь неизбѣжнымъ зломъ и несетъ съ собою всякаго рода ужасы для воюющихъ сторонъ, выражающіеся въ массовомъ истребленіи людей усовершенствованными военными орудіями, въ большомъ количествѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ, возвращающихся назадъ въ свое отечество съ полей бранныхъ, то, съ другой стороны, война является въ то же время добромъ для нѣкоторыхъ народовъ, принимая во вниманіе именно промыслительное дѣйствіе Божіе въ отношеніи къ міру вообще и къ тому или иному народу въ частности. Смотря на войну съ религіозной точки зрѣнія, какъ на одно изъ орудій этого промыслительнаго дѣйствія Божія, нельзя въ этомъ, конечно, никому изъ насъ сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе, наприм., на нашъ русскій православный народъ и посмотримъ, что произошло въ немъ за послѣднее время, за эти четыре мѣсяца веденія имъ войны съ тремя народами.

Намъ, конечно, неизвѣстно внутреннее состояніе людей, да и никому иному не можетъ быть извѣстно оно точно и хорошо, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ самомъ человѣкѣ, по Слову Божію (1 Кор. II, 11); но мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что это внутреннее, религіозно-нравственное состояніе русскаго народа за послѣднее преимущественно время поднялось значительно, сравнительно съ прежнимъ его состояніемъ.

Какъ видно изъ хода всеобщей исторіи, мирное завое-

ваніе нѣмцами нашего края, какое они предприняли въ этомъ отношеніи еще давно и, можетъ быть, подготовили уже въ нѣкоторой степени до послѣднихъ военныхъ событій, разразившихся надъ нашими головами, не удалось провести и осуществить до конца. Мы разумѣемъ здѣсь именно *штундизмъ*, основанный на югѣ Россіи и особенно распространившійся у насъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ такъ и назывался у насъ: *южно-русскій штундизмъ;* но болѣе точно и правильно его назвать нужно: *нѣмецкій штундизмъ*. Мы не говоримъ уже здѣсь о нѣмецкихъ колоніяхъ на западѣ Россіи вблизи границы съ Германіей и Пруссіей. Вся эта затѣя, веденная, безъ сомнѣнія, умѣлыми руками нѣмцевъ и тонко разсчитанная на искаженіе и вытравленіе вѣры въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей, нашихъ безграмотныхъ мужичковъ-крестьянъ, не удалась и провалилась окончательно. Русскій народъ въ массѣ своей остался въ религіозномъ отношеніи вѣрнымъ предкамъ своимъ, которыхъ еще при св. Равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ нѣмцы хотѣли склонить на свою сторону. Онъ сохранилъ вѣру въ Бога, вѣру въ православіе, завѣщанное ему святыми отцами, свято и нерушимо. Онъ остался, по милости Божіей, такимъ же глубоко и искренно вѣрующимъ народомъ, какимъ былъ прежде. Если за послѣднія десятилѣтія эта вѣра нѣсколько и пала у него и образовалась въ видѣ примѣсей нѣмецкой и вообще чужестранной вѣры, если въ средѣ его за то же самое время и нашлись нѣкоторыя лица, которыя обращались, въ случаѣ сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ не къ Православной Церкви, какъ источнику вѣры Христовой, а къ другимъ самоизмышленнымъ кладезямъ вѣро-и-нравоученія человѣческаго, то, повторяемъ, въ большинствѣ своемъ русскій народъ умѣлъ удержать и сохранить у себя цѣлымъ и невредимымъ зерно истины вѣры Христовой, умѣлъ отличить его отъ шелухи разныхъ примѣсей и заблужденій нѣмецкихъ и другихъ національностей.

То Богоискательство, которое широкой струей разлилось по всему лицу русской земли за послѣднее тоже время и нашло себѣ мѣсто преимущественно въ интеллигентномъ классѣ нашего общества, разрѣшилось теперь, по всей вѣроятности, въ благопріятномъ смыслѣ на поляхъ бранныхъ,

когда сошлись лицомъ къ лицу не два, а нѣсколько великихъ народовъ, когда грянулъ военный громъ—и перекрестился на него уже не простой только мужикъ, а и интеллигентный баринъ.

Да, великая Европейская война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ нашей исторіи, высоко подняла духъ вѣры въ русскомъ народѣ и возгрѣла его до высокой степени воодушевленія религіозно-патріотическихъ чувствъ, породивъ безчисленное количество примѣровъ разныхъ геройскихъ подвиговъ солдатъ и мирныхъ жителей въ странѣ нашей. Этотъ духъ несомнѣнно сказался еще до веденія войны, когда еще ходили только смутные слухи о приближеніи ея къ намъ. Этотъ духъ сказался, затѣмъ, ярко и сильно въ самый моментъ возникновенія ея на нашей почвѣ, во время сборовъ на войну, при такъ называемой частной и всеобщей мобилизаціи въ нашей странѣ. Мы видѣли, съ какимъ воодушевленіемъ откликнулся на эту войну весь нашъ народъ, отъ верхнихъ краевъ его и до нижнихъ; мы знаемъ, съ какою горячею вѣрою въ Бога и преданностію Помазаннику своему пошли на войну тѣ, кому слѣдовало идти на нее.

Этотъ духъ сказался весьма явственно во время самой войны. Мы знаемъ, во что вылился онъ у Христолюбивыхъ воиновъ нашихъ, сражающихся на полѣ брани съ врагами нашими. Онъ вылился въ горячую вѣру въ Бога, которою исполнены сердца воиновъ, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, и въ твердую надежду на Бога и дѣйствительную помощь Его, какъ откликъ на такую именно живую и спасительную, однимъ словомъ, побѣдоносную вѣру (1 Іоан. V, 4). Такое религіозное состояніе, свойственное нашему православному всероссійскому воинству, особенно рельефно запечатлѣно въ одномъ изъ послѣднихъ извѣщеній отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго русской арміей, въ которомъ отмѣчена слѣдующая, отрадная для души каждаго русскаго православнаго человѣка, вѣсть: „побѣдой нашей мы обязаны неизсякаемой милости Господа Бога къ сверхгеройству нашихъ чудо-богатырей“.

Этотъ духъ вѣры, наконецъ, сказался и сказывается весьма живо въ нашихъ полевыхъ и городскихъ лазаретахъ—въ этихъ учрежденіяхъ любви и милосердія человѣческихъ

въ которыхъ нашли себѣ пріютъ и тихое пристанище современные наши бѣдные лазари, наши мужественные страдальцы—воины, уходъ за которыми отмѣченъ въ высшей степени духомъ христіанской вѣры и любви со стороны врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ и другихъ лицъ изъ русскаго общества, принадлежащихъ къ разному сословію и возрасту и такъ или иначе причастныхъ къ этому высоко-гуманному и христіански-полезному учрежденію. Глядя на эти, современныя намъ, учрежденія, въ громадномъ количествѣ красующіяся теперь повсюду въ нашей обширной Россіи и отмѣченныя краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ, посѣщая по временамъ находящихся въ нихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, невольно приходишь къ той мысли, что и самое названіе свое—*лазареты* они получили, вѣроятно, отъ имени приточнаго Евангельскаго *Лазаря*, этого бѣднаго, больного и нищаго человѣка, который при жизни своей на землѣ „воспріялъ злое“, послѣ же смерти своей „отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово“ и тамъ „утѣшался“ (Лук. XVI, 20, 25). Не то же ли самое происходитъ и съ нашими героями-воинами, съ нашими страдальцами-мучениками, являющимися, по выраженію церковнаго устава, „подобнопострадавшими“ [1]) св. Іоанну Крестителю? Итакъ, несомнѣнно, война многому научила русскій православный народъ въ его религіозной вѣрѣ, составляющей существеннѣйшую стихію его жизни!..

Но если война много сдѣлала для народа нашего въ отношеніи *религіозномъ*, то еще болѣе сдѣлала она для него въ отношеніи *политическомъ*. Область религіозная, какъ извѣстно, внутренняя область и скрытая отъ постороннихъ взглядовъ человѣческихъ. Здѣсь, въ этой области, больше всего открыто, какъ мы сказали, самому духу человѣческому, живущему въ человѣкѣ. Но, вѣдь, духъ религіи, духъ вѣры Христовой, приходитъ, по Слову Божію, свыше, отъ Бога. Только „рожденное отъ Духа есть духъ“ (Іоан. III, 6). „Духъ“ же „дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа“ (Ib. ст. 8), со всякимъ истинно вѣрующимъ человѣкомъ. Вотъ почему вѣра является

[1]) См. Уставъ церковнаго поминовенія воиновъ, творимаго 29 августа.

по преимуществу индивидуальнымъ чувствомъ, свойственнымъ каждому человѣку въ той или иной степени. Вотъ почему моменты возрожденія людей въ вѣрѣ, обновленія ихъ ума и сердца, бываютъ обыкновенно неуловимы и неощутимы для нихъ такъ же, какъ, напр., неуловимъ и неощутимъ былъ моментъ возрожденія для тайнаго ученика Христова Никодима, приходившаго ко Христу Спасителю ночью и бесѣдовавшаго съ Нимъ о тайнѣ царствія Божія (Іоан. III, 1—22).

Такое именно возрожденіе и обновленіе религіозное можетъ быть, конечно, вездѣ и во всякое время: и въ мирное, въ городахъ и селахъ, и въ военное, на поляхъ брани, на поляхъ побѣды или пораженія. Но въ военное время, предъ лицомъ смерти, раскрывающей свою пасть и готовой похитить въ видѣ иногда безчисленныхъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ изъ сражающихся армій,—въ военное время, думаемъ, такіе моменты бываютъ весьма часты. Но кто повѣдаетъ ихъ намъ и можемъ ли мы знать ихъ съ достаточною ясностію? Здѣсь многое покрыто мракомъ неизвѣстности и является неразгаданнымъ и сокрытымъ на вѣки въ глубинахъ духа человѣческаго. Здѣсь, если мы и трогаемся и восхищаемся примѣрами религіозной вѣры изъ геройской жизни простого солдата нашего, то обыкновенно не даемъ себѣ яснаго отчета въ этомъ. Съ другой стороны, эти примѣры, замѣченные нѣкоторыми изъ насъ, какъ рѣдкіе и исключительные, въ массѣ своей затериваются совсѣмъ и пропадаютъ, не производя того впечатлѣнія, какое они могли бы произвести, если-бы были обнаружены во-время и обнародованы во всеобщую извѣстность.

Не то происходитъ, сказали мы, въ другой области, въ области политической или, точнѣе, политически-гражданской и общественно-государственной жизни русскаго народа. Здѣсь, какъ совершающаяся извнѣ жизнь нашего народа, поставленнаго на свѣщницѣ, „да свѣтитъ всѣмъ“,—и своимъ, и чужимъ,—„иже въ храминѣ суть“ (Матѳ. V, 15),—здѣсь, говоримъ, все бываетъ ясно, и свѣтло, и прозрачно.

Что-же можно было замѣтить за послѣднее преимущественно время въ теченіи этой жизни? Нормальна-ли была вообще эта жизнь? Увы! Многаго, конечно, требовала она для исцѣленія и обновленія своего. И вотъ, это обновленіе

и исцѣленіе пришло къ намъ съ той стороны, о которой мы, можетъ быть, и не думали совсѣмъ. Оно пришло къ намъ со стороны войны, которая была для насъ въ этомъ отношеніи истиннымъ благомъ, а не зломъ.

Что представлялъ собою до войны русскій народъ въ общемъ своемъ составѣ? Онъ представлялъ собою какъ бы большой лагерь людей, въ которомъ находилась смѣсь племенъ и нарѣчій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣсь взглядовъ и убѣжденій. Понятное дѣло, эта смѣсь и пестрота, эта множественность и разнообразіе, должны были весьма ярко отразиться на единомъ составѣ Россійской Имперіи. Нечего грѣха таить: единенія и сплоченности разнороднаго состава населенія въ нашемъ отечествѣ не было замѣтно и раньше. Но отсутствіе его особенно ясно сказалось въ послѣднее время, когда, по волѣ Государя Императора, была учреждена, около десяти лѣтъ тому назадъ, какъ называемая Государственная Дума и преобразованъ былъ совершенно на иныхъ началахъ существовавшій раньше Государственный Совѣтъ. На сколько партій и разныхъ кружковъ раздѣлился тогда единый по вѣрѣ и политикѣ русскій народъ,—и не перечтешь! А сколько мнѣній и убѣжденій, сколько рѣчей и преній изошло за все это время со стороны засѣдающихъ въ нижней и верхней палатѣ депутатовъ нашихъ, г.г. членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта! Всего этого нельзя даже вмѣстить въ многотомныя книги.

Говорятъ, что изъ преній возникаетъ истина и изъ разнообразія голосовъ и, вообще, мнѣній и убѣжденій человѣческихъ выносится твердая и непоколебимая увѣренность въ истинѣ. Все это такъ, конечно. Но вотъ что непонятно и загадочно: въ той же Государственной Думѣ и въ томъ же Государственномъ Совѣтѣ неоднократно поднимался вопросъ, такъ называемый, національный. Сколько разъ говорили тамъ о томъ, что наше отечество, единое по идеѣ и задачѣ своей и множественное по составу своему, слѣдуетъ раздѣлить и раздробить на разные отдѣльные и самостоятельные куски, изъ которыхъ состоитъ оно теперь, что понятіе всего русскаго должно какъ бы разойтись и разлиться въ понятіи всего иностраннаго, населяющаго нашу обширную Имперію,—что колоніи иностранцевъ, насаждаемыя на русской почвѣ, нисколько не вредны для русскаго элемента,—что любовь

къ отечеству, любовь къ національному нисколько не противорѣчитъ любви къ чужестранному, любви къ интернаціональному! И недавно еще, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей, раздававшихся оттуда, во имя яко бы блага государственнаго, на самомъ же дѣлѣ страшнаго зла народнаго, проповѣдывались и устроялись всюду забастовки въ нашемъ отечествѣ, проводились взгляды и мнѣнія, отъ которыхъ приходилось жутко русскому человѣку и отъ которыхъ приходилось ему открещиваться всячески.

Но вотъ грянулъ военный громъ,—и русскіе люди какъ бы замерли на мгновеніе отъ ужаса, охватившаго все ихъ существо. А потомъ? Потомъ они сознали и почувствовали умомъ и сердцемъ бѣду, постигшую ихъ отечество,—и всѣ отъ мала до велика прониклись глубокою любовію къ этому послѣднему. Забыты были всѣ раздоры и нестроенія, царившія до того времени въ нашемъ отечествѣ; забыты были распри и раздѣленія гражданъ его на различныя партіи и кружки, господствовавшіе въ немъ въ послѣднее преимущественно время. Съ возникновеніемъ у насъ войны люди какъ будто стали жить иною политическою жизнію, совсѣмъ не похожею на предшествующую ихъ жизнь. Самая война, предпринятая противъ насъ германцами, была, можетъ быть, однимъ изъ послѣдствій этого именно внутренняго раздѣленія гражданъ нашего отечества, этого несогласія ихъ въ политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ и происходившаго отсюда броженія умовъ и сердецъ русскихъ людей, весьма ясно выразившагося въ послѣднее время въ забастовкахъ и другихъ разнаго рода безпорядкахъ.

Какъ только почувствовалась общая опасность, грозившая всему нашему отечеству, такъ сейчасъ же всѣ граждане его стали какъ бы одинъ человѣкъ на стражу его спасенія, заговорили однимъ языкомъ, стали думать одною думою. Куда дѣвалось прежнее ихъ несогласіе и раздѣленіе въ этомъ отношеніи? Оно исчезло, какъ туманъ передъ утренней зарей, съ лица русской земли, такъ исчезло, что и слѣдовъ отъ него не осталось никакихъ. Люди явились крѣпко спаянными между собою одною общею любовію къ отечеству. Во имя этой любви сколько жертвъ принесено уже русскимъ народомъ на алтарь отечества! А сколько еще го-

товится быть принесенными туда же, для того, чтобы спасти его отъ дерзкаго поползновенія враговъ, посягнувшихъ на цѣлость и благоденствіе его! Всѣ мелкія и обыденныя заботы русскихъ людей оставлены и забыты были совсѣмъ, все ихъ вниманіе поглощено и сосредоточено теперь только на томъ, чтобы поскорѣе дать отпоръ врагу нашему, сражающемуся съ нами въ лицѣ трехъ народовъ.

Когда мы увидали воочію такую перемѣну, происшедшую съ народомъ нашимъ, когда мы увидали такое, поистинѣ, великое чудо надъ народомъ нашимъ, мы невольно умилились сердцемъ. Да и теперь еще не можемъ совершенно очнуться и придти въ себя отъ воспоминанія о томъ, что творилось у насъ раньше, до войны, и что творится сейчасъ, во время войны. Когда же подумаешь и сообразишь о томъ: неужели теперешнее, столь знаменательное и истинно патріотическое, настроеніе русскаго народа, замѣчаемое во всѣхъ его слояхъ и классахъ, пройдетъ когда либо мимо и исчезнетъ совсѣмъ послѣ войны? Неужели русскій народъ возвратится опять къ тому образу мыслей и чувствъ, который былъ имъ столь явственно обнаруженъ въ предшествующій періодъ до войны? Да не будетъ этого съ нимъ никогда! Дай Богъ, конечно, чтобы русскій народъ единымъ умомъ и единымъ сердцемъ мыслилъ и чувствовалъ и впредь свое историческое призваніе, понималъ и разрѣшалъ требованія политическихъ его задачъ и цѣлей! Дай Богъ, чтобы онъ говорилъ всегда въ этомъ случаѣ однимъ языкомъ, языкомъ безгранично преданной любви къ отечеству, выражающейся, впрочемъ, не въ однихъ только словоизліяніяхъ! Дай Богъ, чтобы онъ руководился также при этомъ *дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III, 18)! Дай Богъ, чтобы та внутренняя спайка, которая слила нашъ многочисленный и многосоставный народъ русскій во единый по убѣжденію и настроенію народъ, никогда не ослабѣвала и не разрывалась въ связяхъ своихъ, пребывая всегда крѣпкой и сильной и на будущее время, по окончаніи войны! Вотъ искреннее благопожеланіе всѣхъ патріотовъ родной земли! Вотъ глубокое молитвенное чувство, охватывающее всѣхъ русскихъ людей въ настоящее время!..

Не на *религіозную* только и *политическую* область русскаго народа оказала вліяніе современная великая война.

Нѣтъ, она оказала также вліяніе и на *бытовую* его область! Мы разумѣемъ здѣсь именно *вопросъ о трезвости*, который занималъ столь долгое время умы всѣхъ благомыслящихъ людей и который, къ великому утѣшенію ихъ, разрѣшился столь быстро и неожиданно въ послѣднее время.

Пьянство, какъ порокъ, считалось и считается всегда зломъ, котораго нужно избѣгать всячески, отъ котораго нужно лѣчиться и противъ котораго нужно принимать какія-либо экстренныя и чрезвычайныя мѣры, для того, чтобы не содѣйствовать въ его распространеніи среди того или другого народа, а противодѣйствовать и сокращать до минимума. Наша страна Россія находилась въ этомъ отношеніи издавна въ особыхъ, какъ бы привиллегированныхъ, условіяхъ и занимала въ питейномъ вопросѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ великихъ странъ міра. Такъ ужъ сложилось въ ней изстари: *веселіе пити* было веселіемъ славянскимъ, свойственнымъ натурамъ широкимъ и глубокимъ. Зло пьянства, конечно, чувствовалось и сознавалось всѣми русскими людьми, но не всѣми ими одинаковымъ образомъ. Какъ бытовое именно явленіе, оно замѣчалось въ нашей странѣ отовсюду: и со стороны Церкви, и со стороны Государства.

Церковь, какъ учрежденіе Божественное, имѣющее въ виду главнымъ образомъ устроеніе Царства Божія, и здѣсь—на землѣ, и тамъ—на небѣ, постоянно вооружалось противъ порока пьянства. Она боролась съ нимъ силою пастырскаго слова, основаннаго на Словѣ Божіемъ. А это послѣднее говоритъ, что „пьяницы царства Божія не наслѣдуютъ“ (1 Кор. VI, 10).

Совершенно другой взглядъ имѣло на тотъ же самый предметъ наше Государство, которое до сихъ поръ шло въ этомъ отношеніи инымъ путемъ, нежели св. Церковь. Государство, какъ извѣстно, взяло на откупъ винную монополію, предоставивъ себѣ всю матеріальную выгоду отъ этого предпріятія. Предпріятіе оказалось очень заманчивымъ и привлекательнымъ: въ государственную казну полились милліоны, наживаемые отъ потребителей водки. А что же дѣлалось въ это время съ нашимъ простымъ по преимуществу и крестьянскимъ народомъ? Онъ пьянствовалъ во всю и разлагался нравственно и физически.

Въ послѣднее время устроено было по этому поводу даже какъ бы соревнованіе между Церковію и Государствомъ. Тогда какъ первая основывала и благословляла общества трезвости, устраивала праздники трезвости или особые дни, въ которые выходила она съ крестнымъ ходомъ на площади, приглашая своихъ чадъ воздерживаться отъ вина и, вообще, соблюдать трезвость,—второе, т. е., государство открывало все болѣе и болѣе винныхъ лавокъ, соблазняя, такимъ образомъ, и заманивая туда своихъ покупателей изъ среды того же простого и крестьянскаго народа. Такъ продолжаться дѣло отрезвленія и дѣло опьяненія Русскаго народа дальше не могло, безъ ущерба для духовнаго и физическаго его существа.

И вотъ, мы видимъ, какъ бы пронесшейся въ видѣ огненнаго метеора надъ нашей бѣдной землей, войну, которая отрезвила русскій народъ окончательно, хотя и наложила на него свою тяжелую руку въ другихъ отношеніяхъ. Правда, война въ торговопромышленномъ и въ экономическифинансовомъ отношеніи много вырвала у насъ матеріальныхъ средствъ, которыхъ придется намъ, вѣроятно, затратить еще не мало въ будущемъ на успѣшное окончаніе ея; но за то, съ другой стороны, война дала намъ изъ среды гражданъ русской земли воиновъ-героевъ, „чудо-богатырей“, которые, благодаря именно всецѣлой трезвости своей, и могли совершить такіе великіе „сверхгеройскіе“ подвиги, которымъ мы удивляемся и восхищаемся и „которыми въ правѣ гордиться вся Россія [1])“.

Государство, сознавъ свою прежнюю ошибку, спѣшитъ теперь какъ бы исправить ее. Намъ извѣстно уже распоряженіе правительства о повсемѣстномъ запрещеніи на время военныхъ дѣйствій продажи не только водки, но и всякаго вина вообще. По окончаніи же войны, дѣло отрезвленія народнаго, думаемъ, пойдетъ еще быстрѣе и дружнѣе: ибо съ производствомъ и съ продажей водки, какъ слышно и какъ предначертано это пока въ проэктѣ, будетъ рѣшено окончательно въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ легко сравнительно и благопріятно разрѣшается въ наши дни великій и жгучій современный вопросъ о трезвости, за и противъ

[1]) Изъ донесенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго относительно побѣды подъ Вислой и Варшавой.

котораго стояло и работало столько головъ и умовъ. Правда, этотъ вопросъ разрѣшается здѣсь, какъ мы видимъ, нѣсколько насильственнымъ или принудительнымъ образомъ; но иначе его, по нашему мнѣнію, разрѣшить нельзя: потому что, если для насъ, людей интеллигентныхъ и образованныхъ, людей понимающихъ и оцѣнивающихъ всякое зло съ религіозной точки зрѣнія, представляется иногда совершенно невозможнымъ освободиться отъ него безъ борьбы и безъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ мѣропріятій со стороны Церкви и Государства, то что-же сказать намъ про нашъ простой, въ большинствѣ своемъ еще темный и невѣжественный народъ русскій,—народъ увлекающійся и поддающійся всякаго рода искушеніямъ и соблазнамъ въ нравственномъ отношеніи, если ему предоставить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій? Не будетъ-ли это свобода служить для него, по слову Апостола, „прикрытіемъ еще большаго „зла“ (1 Петр. II, 16)?..

Итакъ, повторяемъ, война дала намъ чрезвычайно много хорошаго и цѣннаго въ религіозномъ, политическомъ и бытовомъ отношеніи, хотя и отняла у насъ много жертвъ въ другихъ отношеніяхъ. Она всколыхнула и подняла весь русскій народъ нашъ, особенно же наше воинство, сдѣлавъ его въ этотъ разъ, по—истинѣ, доблестнымъ и побѣдоноснымъ воинствомъ. Самое побѣдоносное его шествіе все впередъ и впередъ, самыя побѣды, о которыхъ приходится намъ узнавать чуть ли не ежедневно изъ оффиціальныхъ донесеній, уже громко говорятъ намъ о томъ, что современная намъ война не та война, какую вели мы, напр., десять лѣтъ тому назадъ, что эта война не *великая* только и *Европейская* война, а и *отечественная* и *священная* война. Какъ таковая, она должна вести, конечно, къ миру, но къ миру не позорному или уступчивому вслѣдствіе слабости нашей, а къ миру славному и прочному, къ миру вожделѣнному и спасительному для всѣхъ людей на свѣтѣ. Вотъ міровая и высокая задача современной войны!

Миръ! Для кого изъ насъ христіанъ не звучитъ это слово въ ушахъ всегда радостнымъ настроеніемъ, особенно же теперь, когда люди бряцаютъ оружіемъ и раздается громъ войны? Миръ, это высшее благо, принесенное на землю Христомъ Спасителемъ нашимъ, отмѣченъ былъ еще,

какъ извѣстно, въ Ветхомъ Завѣтѣ пророками Божіими, предсказывавшими объ этомъ въ своихъ пророчествахъ (См., напр., пр. Исаіи). Въ самый моментъ рожденія Христа Спасителя, не только какъ „Бога крѣпкаго“, но и какъ „Начальника мира“, этотъ вожделѣнный и спасительный миръ возвѣщенъ былъ бѣдной и грѣшной землѣ человѣческой небожителями—святыми Ангелами, воспѣвшими эту чудную и неумолкаемую теперь пѣснь: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“ (Лук. II, 13—14)!

Христосъ Спаситель неоднократно училъ и преподавалъ этотъ миръ и Апостоламъ Своимъ, и другимъ людямъ. Апостолы проповѣдывали и разъясняли въ своихъ посланіяхъ объ этомъ мирѣ, какъ залогѣ всеобщаго единства людей на свѣтѣ. Св. Церковь ежедневно молится въ своихъ богослуженіяхъ на эктеніяхъ: „о мирѣ всего міра“ и „о временѣхъ мирныхъ“. Пророки, живущіе еще въ Ветхомъ Завѣтѣ и прозирая будущее, какъ настоящее, говорили своимъ современникамъ, что наступитъ время, когда люди „перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои—на серпы“ (Ис. II, 4), и когда „будутъ пастись вмѣстѣ волкъ и ягненокъ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому“ (Ис. 65, 25).

Но что-же означаютъ всѣ эти ученія и предсказанія? Не иначе какъ то, что миръ является дѣйствительно высшимъ и цѣннымъ благомъ для всего человѣчества и что все человѣчество непремѣнно должно стремиться къ нему впродолженіе земной жизни своей и достигать его какимъ-либо образомъ. Правда, въ этомъ отношеніи миръ есть идеалъ совершенный, достигнуть котораго всецѣло и осуществить его здѣсь—на землѣ мы—люди не въ состояніи теперь никакими средствами земными, чисто человѣческими. Но мы можемъ болѣе или менѣе приближаться къ нему и такъ или иначе осуществлять его. Здѣсь-то и помогаетъ намъ иногда война, какъ орудіе достиженія мира, не всеобщаго и всецѣлаго, конечно, а частнаго и единичнаго,—война, являющаяся, какъ мы видѣли, по предсказанію Самого Христа Спасителя, необходимымъ и печальнымъ явленіемъ въ мірѣ человѣческомъ, при настоящихъ его условіяхъ жизни и нравственно-религіознаго состоянія. Примѣромъ этого можетъ служить для насъ война, какая нѣкогда произошла на небѣ между Ангелами, оставшимися вѣрными въ служеніи Богу истинному, и ангелами, возгордившимися и отпав-

шими отъ Него вмѣстѣ съ денницей или драконом (Апок. XII, 7—9). Эта война, какъ извѣстно, упрочила скорый и вѣчный миръ на небѣ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать про войны тѣхъ или другихъ людей на землѣ.

Конечно, настоящая война должна вести во что бы то ни стало къ миру, котораго такъ жаждетъ сердце наше, къ мирнымъ и болѣе или менѣе счастливымъ временамъ, послѣ бранныхъ и ужасныхъ въ военномъ отношеніи временъ. Военному милитаризму, къ которому подготовлялась и которымъ угрожала столь долгое время всему цивилизованному міру Германія, долженъ быть положенъ конецъ. Европейскій миръ долженъ быть обезпеченъ и гарантированъ наилучшимъ образомъ. Россія, какъ первенствующая и могущественнѣйшая страна въ Европѣ, стоитъ въ этомъ отношеніи на высотѣ своего историческаго призванія и на высотѣ своей нелегкой задачи, выпавшей на ея долю. Но она можетъ успѣшно и благотворно выполнить эту свою задачу только чрезъ войну, чрезъ доведеніе ея до самаго конца. Вотъ почему мы, граждане великой Россіи, съ глубокимъ чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія прочитали Высочайшій отвѣтъ Московской Городской Думѣ о томъ, что настоящая война доведена будетъ до конца и что сомнѣнія или недоумѣнія на этотъ счетъ не можетъ быть никакого. „Съ вѣрою въ помощь и благословеніе Всевышняго и въ силу могучаго воинства Россійскаго, великая наша Россія мира не заключитъ, пока не будетъ сломлено окончательно упорство врага и достигнуто осуществленіе завѣщанныхъ намъ предками задачъ“.

Каковы же, спросимъ теперь, эти задачи? И къ чему, прежде всего, должны стремиться всякая война и всякій миръ?

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій окончанія войны и заключенія мира должно быть въ религіозно-нравственномъ отношеніи то состояніе человѣчества, которое изображается въ слѣдующихъ словахъ Священнаго Писанія: *„да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“* (Тим. II, 2): ибо *„благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго“* (1 Тим. IV, 8). Вотъ оцѣнка или мѣрило жизни человѣческой, по изображенію Слова Божія!

Будетъ-ли теперь жить человѣчество послѣ войны, когда оно будетъ находиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизненныхъ, нежели въ какихъ оно находится въ настоящее время, именно такъ,—это покажетъ несомнѣнно будущее. Но что оно должно жить такимъ образомъ, что должны жить такъ всѣ христіанскіе народы въ мірѣ и, въ особенности, нашъ русскій православно-христіанскій народъ, этотъ, можно сказать, „народъ святый.., нѣкогда не народъ, а нынѣ народъ Божій“) 1 Петр. II, 9—10),—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Объ этомъ говоритъ самое имя этихъ народовъ, христіанскихъ и христіанскихъ по преимуществу, какова именно наша Россія.

Мы не будемъ указывать здѣсь на другіе христіанскіе народы, каковы, напр., Германскіе и Австрійскіе, съ которыми воюетъ теперь Россія и которые потеряли въ этой войнѣ послѣдній обликъ христіанскихъ народовъ. Это не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія. Мы хотимъ остановиться только на нашемъ родномъ русскомъ народѣ и посмотрѣть, насколько онъ расположенъ и готовъ осуществить предначертанныя великой войной задачи.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что вышеуказанный религіозно-нравственный идеалъ народный достигается здѣсь—на землѣ въ Церкви Христовой, этомъ благодатномъ царствѣ Божіемъ. Церковь Христова, учрежденная на землѣ Христомъ Спасителемъ, нашимъ,—это, можно сказать, прямой и единственный, средній и царскій путь, ведущій къ этой цѣли. Но, понятное дѣло, какъ въ отдѣльномъ организмѣ человѣческомъ бываютъ различные члены: великіе и малые, славные и безславные, осуществляющіе свое бытіе и свое положеніе въ ряду другихъ членовъ (1 Кор. 12, 14—26): также точно и въ Церкви Христовой, этомъ всеобщемъ духовномъ организмѣ человѣческомъ, бываютъ различные тоже члены (Ib. ст. 27.), осуществляющіе свое призваніе различнымъ образомъ: то чрезъ какое-либо мірское или свѣтское занятіе и положеніе въ обществѣ, то чрезъ духовное образованіе и служеніе на разныхъ поприщахъ церковно-общественной жизни, то чрезъ одинокую мірскую или супружески—семейную жизнь, то чрезъ аскетическій подвигъ монашества или миссіонерства.

По какому именно руслу направится въ будущемъ

жизнь русскаго народа это, сказать въ настоящее время, конечно, трудно и невозможно. Но поставить, такъ сказать, вѣхи и заранѣе указать путь русской по преимуществу жизни въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, намъ представляется здѣсь чрезвычайно важнымъ и необходимымъ. Не останавливаясь на всѣхъ, обозначенныхъ нами, сторонахъ русской жизни, мы хотѣли бы остановить свое и другихъ вниманіе, прежде всего, *на вопросѣ о духовномъ образованіи* или, лучше сказать, на *вопросѣ о положеніи богословія въ нашихъ высшихъ духовныхъ школахъ*, каковыми являются, безъ сомнѣнія, наши Академіи и примыкающіе къ нимъ, въ отношеніи къ дѣлу постановки и преподаванія въ нихъ богословія, наши Университеты.

Каково же, спросимъ, положеніе науки богословія въ названныхъ школахъ? Намъ думается, что не совсѣмъ благопріятно. Дѣло въ томъ, что пресловутые нѣмцы и здѣсь въ этой научной области, наложили свою руку, тяготѣющую надъ нами, русскими, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, если не сказать столѣтій. Нѣмецкая вѣра, о которой стали говорить у насъ со времени возникновенія на нашей почвѣ, такъ называемаго, штундизма, и о которой заговорили особенно громко въ настоящее время[1]), давно уже заявила о себѣ въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ. Если „сектантство нѣмецкое“, по словамъ одного изслѣдователя, „есть духовный нѣмецкій авангардъ, и нѣмцы пользовались всѣмъ,— и насиліемъ, и обманомъ, и русскимъ простодушіемъ, и нашею излишнею довѣрчивостью, и либеральнымъ направленіемъ русской литературы, въ теченіе болѣе столѣтія сбивавшей русское образованное общество восхваленіемъ всего нѣмецкаго и покровительствомъ всякому сектантству,—пользовались и пользуются рѣшительно всѣмъ, чтобы такой духовный свой авангардъ крѣпко насадить въ Россіи[2])“,— то что-же сказать теперь про науку богословія въ различныхъ его отрасляхъ и видахъ, существующую по преимуществу въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ? Тамъ эта наука насаждалась иногда въ умы и сердца воспитанниковъ

[1]) См. объ этомъ, напр., статью прот. І. І. Восторгова въ „Синод. Церковн. Вѣдом.“ за 1914, № 43, подъ заглавіемъ: „Нѣмецкая вѣра“.

[2]) См. тамъ же.

нѣмецствующими профессорами по нѣмецкимъ преимущественно источникамъ, являвшимся обязательными пособіями при прохожденіи того или иного богословскаго курса. Дѣло доходило въ этомъ отношеніи даже до того, что писались цѣлыя магистерскія и докторскія сочиненія на раздаваемыя нѣмецствующими профессорами темы по нѣмецкимъ источникамъ.

И гдѣ же это происходило?—Въ православныхъ духовныхъ Академіяхъ! Неужели нѣмецкіе протестантскіе богословы стояли и стоятъ выше русскихъ православныхъ богослововъ?—Сомнительно. Можетъ быть, здѣсь и замѣчалось нѣкоторое превосходство первыхъ въ литературѣ предмета, въ научныхъ его открытіяхъ и изслѣдованіяхъ съ тѣхъ или иныхъ сторонъ, въ раціональномъ его пониманіи и толкованіи. Да, здѣсь, дѣйствительно, была широкая и глубокая область изслѣдованія нѣмецкихъ головъ и умовъ! Здѣсь раціонализмъ нѣмецкій показалъ себя чрезвычайно обильно и плодовито. Но могъ ли онъ показать себя изучающимъ богословіе молодымъ людамъ съ другой стороны, со стороны примѣненія въ практической жизни тѣхъ или иныхъ уроковъ и наставленій, выводимыхъ имъ изъ такого рода раціональнаго богословія? Кромѣ полнаго отрицанія и разрушенія вѣры, онъ ничего не могъ имъ дать другого, чего-либо положительнаго и основательнаго. Да это и неестественно было бы для него, какъ чистаго протестантства, являющагося въ настоящее время въ видѣ искаженнаго христіанства, обрубленнаго именно раціональнымъ методомъ изслѣдованія до чрезвычайной степени, сравнительно, напр., съ католичествомъ, не говоря уже о православіи...

Нѣмецкое богословіе и нѣмецствующіе профессора,—это было что-то до слезъ обидное и печальное явленіе въ нашихъ Россійскихъ православныхъ духовныхъ Академіяхъ! Но неужели въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ бѣдно наше богословіе, что оно не можетъ затронуть нисколько испытующаго разума и сердца въ дѣлѣ изученія его разными людьми? Нѣтъ, конечно! Забываютъ, что богословіе, какое бы оно ни было, есть самая жизнь, жизнь ума и сердца и воли, однимъ словомъ, жизнь души человѣческой, а не изслѣдованіе только научнаго предмета однимъ умомъ. Забываютъ, что люди, которымъ свойственно по преимуществу названіе богосло-

вовъ, каковы, напр., наши вселенскіе учители и святители: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, учились въ свое время богословію не въ протестантскихъ даже школахъ, а въ языческихъ, у языческихъ наставниковъ и учителей, и однако они, эти святые отцы и учители, не остались раболѣпствующими передъ языческими философами, а выработали въ своихъ сочиненіяхъ свою систему богословія, строго научную и въ то же время строго православную. Про одного изъ нихъ, именно Григорія Богослова, св. Церковь въ составленномъ ею тропарѣ въ честь этого святого, выражается, между прочимъ, такъ: „якоже бо глубины духа изыскавшу, и доброты вѣщанія приложишася тебѣ“ (25 янв.). Что-же? Неужели эти глубины духа изсякли въ настоящее время и неужели ихъ не хватитъ теперь для воспитанниковъ нашихъ духовныхъ школъ, что они стали обращаться, въ своихъ научныхъ богословскихъ изслѣдованіяхъ, къ кладезямъ инымъ, къ нѣмецкимъ по преимуществу? Нѣтъ, онѣ хранятся еще, благодареніе Богу, въ нѣдрахъ русской Православной Церкви и залежей ихъ еще хватитъ для насъ на цѣлые вѣка. Лишь бы только была охота и усердіе со стороны нашихъ молодыхъ людей, изучающихъ богословіе! Нѣтъ, въ этой погонѣ за западными идеалами, въ этомъ подражаніи нѣмецкимъ ученымъ, сказывается прежде всего и больше всего наша робость и какая-то забитость, наше постоянное пресмыкательство предъ нѣмцами и наше заигрываніе предъ ними даже въ дѣлѣ вѣры! Пора же-громко скажемъ здѣсь, не боясь и не стыдясь никого,—пора намъ сбросить въ этомъ отношеніи съ своихъ плечъ ярмо нѣмецкое, уже давно тяготѣющее надъ нами! Пора намъ идти въ этомъ случаѣ не на привязи нѣмцевъ, указывающихъ намъ дорогу въ облнсти вѣры, а идти самостоятельно и рѣшительно, выработавъ оригинальную и самобытную, *православно-русскую богословскую науку!* Давно пора было уже намъ это сдѣлать. Теперь думаемъ, пришло для этого время благопріятное и вожделѣнное...

Отъ духовно-теоретической или богословско-созерцательной жизни русскаго народа перейдемъ теперь *къ супружески семейной жизни* его и посмотримъ, что тамъ дѣлалось и дѣлается. Въ этой области нельзя не видѣть также нѣкоторыхъ ненормальностей и не выразить по этому пово-

ду своего *pium desiderium*. Эти ненормальности, какъ глубоко таящіяся болѣзни въ организмѣ человѣческомъ, обнаруживающіяся въ разстройствѣ всей природы человѣческой вслѣдствіе грѣхопаденія ея, понятны, конечно, всѣмъ и каждому и не нуждаются въ особомъ объясненіи. Онѣ очевидны и близки намъ; съ ними мы, такъ сказать, сжились и сроднились, и потому какъ бы не замѣчаемъ ихъ въ повседневной жизни нашей. На нихъ мы и не будемъ останавливаться здѣсь подробно. Если мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ о супружески-семейной жизни русскаго народа, объ ея уклонѣ отъ общаго русла послѣдняго, то имѣя въ виду главнымъ образомъ вопросъ о такъ называемыхъ *смѣшанныхъ бракахъ*. Эти браки составляли всегда и въ прежнее время истинное зло для нашего народа; тѣмъ болѣе они представляются въ такомъ видѣ въ настоящее время. Если св. Церковь и благословляетъ ихъ съ своей стороны, если она и мирится съ ними, то это дѣлаетъ она, такъ сказать, вынужденнымъ образомъ, во избѣжаніе большаго зла.

Прежде всего, въ указанномъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться на *положеніи мужа и жены*, какъ лицъ, связанныхъ между собою узами брака. Конечно, разъ Церковь установила и узаконила такой брачный союзъ мужа православиаго съ женой неправославной, и наоборотъ жены православной съ мужемъ неправославнымъ, то этимъ самымъ она освятила его и признала его за такое же таинство, существующее наряду съ прочими таинствами церковными. Великость танства нисколько не уменьшается и не утрачивается отъ этого самаго. Согласно словамъ св. Апостола Павла: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ея; и жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согласенъ жить съ нею, не должна оставлять его“ (1 Кор. VII, 12—13), —св. Церковь смотритъ на смѣшанные браки благосклонно и разрѣшаетъ ихъ у насъ повсюду. Но подъ какимъ именно условіемъ и съ какою цѣлью? Объ этомъ, къ сожалѣнію, многіе изъ насъ забываютъ, а то и просто совсѣмъ не знаютъ: „ибо,—продолжаетъ Апостолъ,—невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ... Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли

жены“ (1 Кор. VII, 14, 16)? Вотъ какую святую, истинно-миссіонерскую, цѣль имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ св. Апостолъ Христовъ, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и св. Церковь Православная, дозволяющая и благословляющая смѣшанные браки!..

Вопросъ теперь иной: сознается-ли она, эта именно цѣль, и выполняется-ли всегда въ жизни брачущимися лицами?— Едва-ли! Если и замѣчается въ такихъ смѣшанныхъ бракахъ крѣпкое единство и прочная и неразрушимая связь иногда на всю, болѣе или менѣе продолжительную, жизнь на землѣ, то не въ пользу вѣры православной, и скорѣе и чаще всего въ пользу вѣры инославной, католической или протестантской. Вся близость лицъ, соединенныхъ такими брачными узами, кончается, какъ мы видимъ, крушеніемъ послѣднихъ остатковъ вѣры православной, если только она пребывала еще въ сердцахъ вѣрующихъ мужа и жены. Въ этихъ случаяхъ, какъ это можно наблюдать и убѣдиться опытно, не невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею и не невѣрующая жена освящается мужемъ вѣрующимъ, а вѣрующая жена развращается невѣрующимъ мужемъ и вѣрующій мужъ развращается невѣрующею женою. Это развращеніе начинается обыкновенно съ малаго и, повидимому, невиннаго развлеченія: съ заграничнаго путешествія и съ жизни заграницей, куда устремляются преимущественно лица, сочетавшіеся другъ съ другомъ въ смѣшанномъ бракѣ; далѣе, оно выражается въ перемѣнѣ вкусовъ и приспособленій къ жизни чужестранной и иновѣрной, въ постепенномъ забвеніи земли родной и своихъ соотечественниковъ; и, наконецъ, завершается вытравленіемъ и уничтоженіемъ у себя въ сердцѣ вѣры отеческой, вѣры православной. Великая война, происходящая у насъ съ Германіей и другими государствами, можетъ служить въ этомъ отношеніи прекрасной иллюстраціей только что высказанныхъ нами мыслей. По этому поводу мы можемъ сказать даже больше; упорство и ожесточенность войны нѣмцевъ съ русскими, длительный процессъ веденія ея, равно какъ окончаніе ея и заключеніе мира, зависятъ сколько отъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, столько же полагаемъ, и отъ этой причины, состоящей именно въ брачныхъ союзахъ многихъ русскихъ съ нѣмцами...

Въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ нельзя не остановиться еще на *состояніи дѣтей*, рождающихся отъ такихъ браковъ. Общее состояніе дѣтей тотъ же апостолъ Христовъ характеризуетъ кратко и сильно слѣдующими словами. Упомянувъ о высокой задачѣ вѣрующей жены и вѣрующаго мужа, онъ говоритъ: „иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы“ (1 Кор. VII, 14). Итакъ, очевидно, св. Апостолъ признаетъ святость брачнаго союза въ данномъ случаѣ Но не только мужъ и жена могутъ освящаться другъ черезъ друга, но и дѣти ихъ являются святыми или, лучше сказать, освященными молитвами и таинствами св. Церкви.

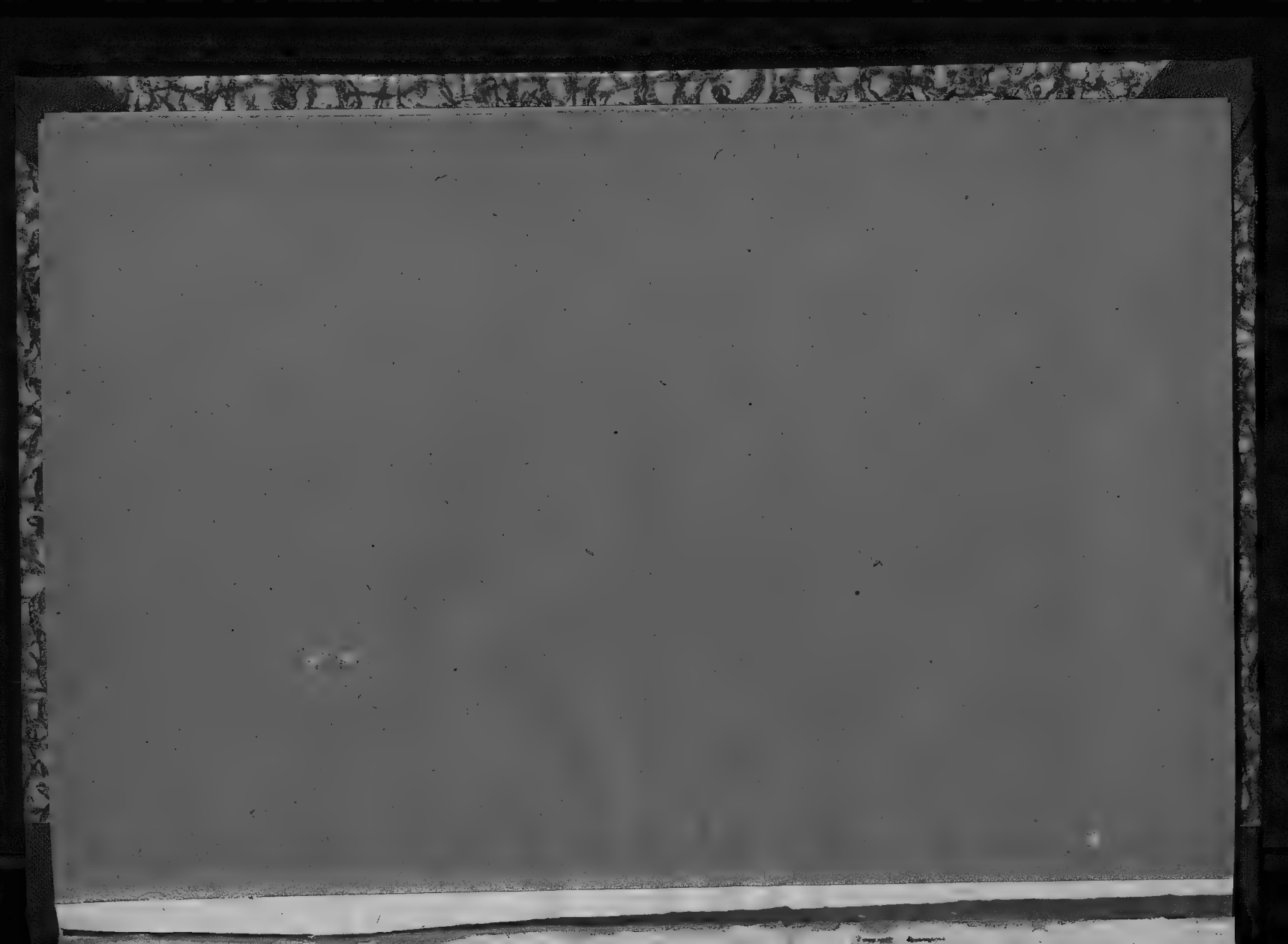
Что мы можемъ и должны сказать по этому поводу? Одно можемъ сказать съ утѣшеніемъ и радостію: слава и благодареніе Господу Богу и Его Св. Церкви, заботящейся о своихъ чадахъ съ истинно-материнскою любовію и собирающей ихъ, какъ кокошь птенцовъ, подъ крылья свои! Но вотъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, съ широко обнародованнымъ закономъ вѣротерпимости и съ другими вѣроисповѣдными законами, проведенными въ нашей странѣ, рушилась и рушится уже на нашихъ глазахъ послѣдняя опора семейной жизни, когда дѣти, по достиженіи ими совершеннолѣтняго возраста, могутъ уйти, въ силу этихъ самыхъ законовъ, и дѣйствительно уходятъ, какъ мы это видимъ, „на страну далече“, изъ страны православной во страну инославную, католическую или протестантскую. Такимъ образомъ, нѣмецкое вліяніе и нѣмецкое воспитаніе и здѣсь ощущается замѣтнымъ образомъ. Да, при такихъ именно порядкахъ, многаго ожидать отъ супружески-семейной жизни намъ не приходится теперь! И долго еще, видно, она не возвратится въ колею здоровой, вполнѣ нормальной, истинно-русской жизни!..

Обращаясь къ иной области русской жизни, *къ житейски-практической* или, иначе, *къ торгово-промышленной*, нельзя не замѣтить, что и здѣсь ожидаются великія реформы при наступленіи мирныхъ временъ. Ни для кого изъ насъ не составляетъ тайны въ настоящее время, что въ упомянутой области давно уже свила себѣ гнѣздо и прочно утвердилось то же самое засилье нѣмцевъ и всякаго рода иныхъ иностранцевъ на Руси. Русскіе, коренные жители нашего отечества, предоставивъ свою страну въ пользованіе и вла-

дѣніе нѣмцевъ, сами и перстомъ своимъ не хотѣли ничего двинуть въ указанной области. Это привело, конечно, къ полному краху и банкротству русскихъ, какъ торгово-промышленниковъ своей земли. Нѣмцы же, твердо обосновавшись и утвердившись въ предѣлахъ нашего отечества, оказались плохими въ этомъ отношеніи учителями русскихъ. Ихъ дѣло было только захватить въ свои руки торговлю и промышленность въ нашемъ отечествѣ и, затѣмъ, выгнать изъ лучшихъ и центральныхъ мѣстъ Россіи русскихъ жителей, какъ будто неспособныхъ и никуда негодныхъ людей.

Все это у насъ дѣлалось, нужно замѣтить, изъ-за нашей необдуманности и либеральнаго потворства, оказывавшаго всякія услуги иностранному элементу и притѣснявшему въ то же время своихъ русскихъ. Ясно, что, при такомъ положеніи вещей, русскіе люди оказались забитыми, затертыми куда-то на сторону, такъ сказать, на задворки, а центральныя и лучшія мѣста въ городахъ и селахъ заняты были иностранцами, по преимуществу нѣмцами. И, въ концѣ концовъ, оказалось, что Россія—страна не для русскихъ, а для иностранцевъ.

Конечно, теперь, съ паденіемъ нѣмцевъ, съ уничтоженіемъ нѣмецкаго милитаризма, угрожавшаго постоянно вооруженнымъ миромъ, съ паденіемъ нѣмецкихъ идеаловъ и съ обнаруженіемъ нѣмецкихъ звѣрствъ, засвидѣтельствованныхъ повсюду, въ этой области тоже должна произойти значительная перемѣна въ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ русскихъ людей. Русскіе люди должны быть, по нашему мнѣнію, полными хозяевами своей страны. У нихъ должна развиваться и процвѣтать своя торговля, своя промышленность. Понятное дѣло, они должны достигать всего этого мирнымъ путемъ и мирными средствами, не прибѣгая для этого къ хулиганскимъ и чисто разбойничьимъ средствамъ, какими зарекомендовали себя въ послѣднее время особенно нѣмцы. *Россія для русскихъ*, и: *Русскіе для Россіи*—вотъ девизъ, который долженъ красоваться, прежде всего, въ умахъ и сердцахъ всѣхъ гражданъ нашего отечества, а затѣмъ уже проявляться и во внѣшней ихъ жизни, складывающейся такъ или иначе, сообразно ихъ образованію и воспитанію, матеріальнымъ средствамъ и положенію въ обществѣ!..

Дай же Богъ, чтобы Россія воскресла и обновилась

всецѣло въ этомъ, равно какъ и въ другихъ, указанныхъ нами, отношеніяхъ! Дай Богъ, чтобы она заняла опять первенствующее положеніе въ мірѣ, среди другихъ народовъ и государствъ, первенствующее положеніе не только по внѣшней силѣ и могуществу своему, а и по внутренней силѣ и мощи, по силѣ вѣры православной, по силѣ благочестія христіанскаго! Но для этого ей нужно твердо помнить и никогда не забывать одного главнаго условія, именно: *искать прежде Царства Божія и правды Его* (Матѳ. VI, 33). Только тогда она можетъ надѣяться на то, что *„и сія вся“*, т. е., культура и цивилизація, которыхъ ищутъ и къ которымъ стремятся теперь народы на свѣтѣ, благополучіе и счастіе, благоденствіе и долгоденствіе, которыхъ такъ сильно жаждутъ теперь люди, послѣ великой и упорной войны, *„приложатся“* ей, по слову Спасителя, сами собою...